

Море, причал и бутылка вина

Александр Мигунов



Александр Мигунов

Море, причал и бутылка вина

«ИП Стрельбицкий»

Мигунов А.

Море, причал и бутылка вина / А. Мигунов — «ИП Стрельбицкий»,

Подросток обстреливает город из рогатки с крыши высокого дома. Передвигая обстрел по стрелке часов, он, знакомит читателя и с городом, и со своей внутренней жизнью. Из-за физического несовершенства он считает себя изгоем, и предпочитает одиночество на дереве, крыше, старом причале.

Содержание

1	6
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Мигунов

МОРЕ, ПРИЧАЛ И БУТЫЛКА ВИНА

Повесть

*О жизнь! Тёмный поток бурлящих больных вод, над которыми
яблони роняют свои нежные лепестки.
Джеймс Джойс. «Портрет художника в молодости»*

Одетый в потрёпанное пальто, в вязаной шапке, нахлобученной на уши, я лежал ногами к волнам на холодном песке пляжа, головой к международному аэропорту, лицом к жёлтому небу. В него с оглушающим рёвом взлетали тяжёлые самолёты, мои ноги им указывали направление. Мне казалось, что самолёты вырывались в жёлтое небо, чтоб разбросать меня по странам, в которых я уже не побываю ввиду подступившей бедной старости.

Я закрыл утомившиеся глаза, задремал, или даже заснул, и оказался в тёмной комнате. За окном накапливалась непогода, раздавались раскаты грома. Глядя в окно, едва различимое, я напряжённо ждал молнии. Молния вспыхнула, и за окном возникла тёмная пыльная лестница, по ней всходил, или лучше, крался, голый намыленный подросток, он крался к двери на верхней площадке. Из центра двери вырывался лучик, яркий клубящийся лучик того, к чему крался голый подросток. Там и тогда вместо ступеней были, как будто, куски льда. Ладонь там чернела от угольной пыли, осевшей на лестничных перилах. Там оглушительно билось сердце.

Я вгляделся в подростка. В того, кем я был в далёком, очень далёком прошлом.

1

Представим, что в доме моём есть гостиная с замечательным видом из окна. Вы пришли в гости, взглянули в окно. В тот же миг к вам явился Город, грузный обветренный мужчина, от которого сложно веяло тиной, газами выхлопов, нефтью, цементом, гудками машин-пароходов-заводов, голосами людей, собак и роялей, шарканьем подошв по тротуарам, смехом девушек, перегаром, цветами акации или мимозы.

«Ах да! – скажу я. – Вы не знакомы? Город, знакомьтесь, это читатель. Читатель, позвольте представить вам Город».

Знакомства в гостиных часто поверхностны. А я бы хотел свести вас поближе. Для этого понадобится рогатка. У вас, полагаю, её нету, а моя как раз недавно сломалась. Но рогатку не трудно смастерить. Для начала пророем наши карманы. Слегка только, очень неглубоко, денег понадобится пустяк.

С пустяком пройдем к центральной аптеке. В Городе есть и другие аптеки, но только в аптеке № 1 продают эластичный жгут, который все называют эластик, а фабрика резиновых изделий, в основном производящая презервативы, называет его сложней, по-дурацки: жгут кровоостанавливающий матерчато-эластичный апполо. Примем от аптекарши эластик, скатанный в тяжёленький рулончик, последний раз вдохнём лекарственные травы, прощальным взглядом скользнём по клизмам, развешанным по стенам, как картины.

Эластик в кармане, но кроме него нам ещё понадобится рогатина высотой с не заточенный карандаш, а размахом в два растопыренных пальца. Можно, конечно, и больше размером, но тогда не уместится в кармане. Также понадобятся кожа величиной примерно с ладонь, грубая нитка, ножницы, ножик и хорошее количество камней.

Рогатину мы вырежем по пути, из дерева прочного и упругого. С кожей сложнее, придётся искать её в каких-нибудь заброшенных чемоданах, в ящиках комода для старья и ненужных мелких вещей, в сарае, в подпятнике ботинка. Всё упомянутое заготовив, устроимся где-нибудь на табуретках и за какой-нибудь час-полтора смастерим превосходную рогатку. Смастерив, тут же опробуем. Пара мелких камней в воробья, в пустую банку или в кошку нас порадуют и вдохновят на сбор камушков потяжелее.

Камни мы сходим собирать на территорию через дорогу, туда, где после какой-то стройки оставалась кучка гравия, сильно замусоренная и растасканная на нужды хозяйственных мужиков, но в ней было легче, чем где бы то ни было набрать как раз то, в чем мы нуждаемся. Подходящими камушками набьем небольшую хозяйственную сумку и один брючный карман, сунем рогатку в другой карман, и, наконец, выйдем на улицу и направимся вниз, в сторону бухты.

Из нашего домика ко всему нужно было идти вниз. Выше нас я забирался только для острых ощущений и небезопасных приключений, ибо выше располагалась пыльная разбитая территория за незаконченным забором, на которой какая-то организация начала возводить фундамент, но быстро остыла, и всё забросила, включая бульдозер и горы мусора. На той территории время от времени кто-то кого-то пырлял ножом или избивал до полусмерти.

Ещё чуть выше располагались зады горбольницы номер один, на которых меня интересовали железные мусорные баки рядом с каким-то помещением. Они меня стали интересовать с тех пор, как я открыл крышку бака и увидел окровавленные внутренности. Я поглядел на помещение и понял, что это и есть тот морг, рядом с которым мы проживали. Иногда крышки баков уже были сорваны бездомными смекалистыми собаками, и внутренности трупов расползались не только по больничной территории, но и по улицам, и по нашей.

Ещё выше нас были бугры, на которых скандально проживали свирепые бабы, шпана и чучмеки. Чучмеками в Городе звали многих, часто это слово употребляли, например, вме-

сто слова дурак. Мама называла так нацменов, которых в Городе было столько, что любая толпа была из нацменов, а в толпе иногда попадались и русские. Кроме греков, армян, грузин, евреев, украинцев, татар и представителей других меньшинств, мама чучмеками называла иностранных матросов, всех приезжающих на отдых, всех из деревни или станицы, базарных торговцев и продавцов, всех непонятных и неприятных, – проще назвать, кто не был чучмеками.

Ими не были мы с мамой, мамина лучшая подруга Шурочка, мои одноклассники Зыков, Собков, с большой натяжкой Брызгалов, бабушка, тётки и другие родственники, с которыми мама была не в ссоре, несколько певцов и киноактёров, а также все чисто русские люди, желательно родившиеся севернее от Москвы.

Отчим мой был стопроцентным чучмеком, потому что был белорусом.

«Боже, Боже! – рыдала мама в минуты частых семейных скандалов, – какая я дура была, дура! За такого чучмека вышла замуж!»

«И зачем мы припёрлись в Город чучмеков, – восклицала после скандала с соседом. – Куда взгляд не бросишь, одни чучмеки. Боже, живёшь, как в какой-нибудь Африке!»

Идти, повторяю, придётся вниз, ноги сами нас понесут, мы будем скатываться к хребту, бухте и центру Города. Мы дойдём до стоянки автобуса, там будут несколько человек, но мы не станем с ними делить бесконечное ожидание и в результате бессильную ярость при виде проносящегося мимо переполненного тупорылого автобуса, – из тех, что с центральных магистралей рано или поздно переводили на второстепенные маршруты.

Злорадно констатировав отсутствие автобуса, который так и не перегонит, мы быстро минуем мою школу, длинный железный забор которой позволит нам вкратце разглядеть ухоженный школьный сад, баскетбольную площадку, двор для беготни, кирпичную архитектуру и много мелочей, навевавших разные ассоциации тем, кто учился в этой школе.

Минуя «Парк Культуры и Отдыха», мы нерешительно остановимся перед высоким внушительным зданием. В этом здании – «Дом офицеров». В доме четыре этажа, он самый высокий в этом районе. К подъезду ведёт гранитная лестница, вокруг всегда чисто, пусто, торжественно.

Редко лицезрея офицеров, входящих в тот дом или выходящих, я считал, что они так заняты охраной священных рубежей, что могут развлекаться только по ночам, и только по тем счастливым ночам, когда наша недремлющая разведка сообщала, что враг будет дремать. Я как-то пытался войти внутрь. В большом напряжённом вестибюле меня тут же притормозила крупная накрашенная дама.

«Нечего тут», – сказала она, узнав, что отца у меня нету, а отчим мой совсем не офицер.

Пока мы перед «Домом офицеров», и вы ещё не знаете, зачем, объясню свою нерешительность: она обусловлена не отсутствием, а переизбытком вариантов. Переизбыток вариантов заключался в количестве крыш, с которых можно знакомиться с Городом. Я лично опробовал столько крыш, что по пальцам не пересчитать, то есть никак не меньше одиннадцати. Лучшая крыша, пришёл я к выводу, должна быть не слишком близко к бухте, а там, где с неё открывается вид на центральную часть Города. Крыша должна быть трудно доступной, и от неё не должны отпугивать хриплые крики кочегаров, дворников и прочих мужиков, ни к чему нам и бабий визг. Скат не должен быть слишком крутым. И важно, чтобы ступались сумерки.

Руководствуясь этими условиями, мы свернём к «Дому офицеров», зайдём со двора, оглядимся, помедлим, ещё оглядимся и быстро окажемся под нижней ступенькой пожарной лестницы, до которой нельзя допрыгнуть. Я попрошу вас подставить спину, вскарабкаюсь на нижнюю ступеньку и протяну вам сверху руку. Мы бы вскарабкались на крышу с матросской ловкостью, как на мачту, а то и с обезьяньей, как на пальму, но в ловкости нам помешают камушки (сумка, вспомните, тяжела).

Потирая ладони, стряхнём ржавчину, сожмём неоднократно кулаки, оживляя натруженные пальцы, на коленях взберёмся на самый конёк, к месту, где будет что-то торчать (какая-нибудь вытяжка, труба, телевизионная антенна), упрёмся в торчание ногами. И поглядим, как лениво и страстно над Городом танцуют день и ночь.

Танцуют они, конечно, танго, а я любое танго называю аргентинским, потому что нет ничего красивей сочетания слов аргентинское танго. Они, вероятно, могли б танцевать и какой-то другой танец, но в каком ещё танце, как не в танго, так красиво сплетаются тела. День танцует танго, засыпая, ночь его танцует, просыпаясь. День, откидываясь назад и прижимая к себе ночь, охотно падающую на него, скользит спиной в темноту за дверью. За дверью, конечно, тёмная спальня. День упадёт спиной на кровать и мгновенно крепко уснёт. Ночь, окончательно проснувшись, упадёт на него с хохотом, потормошит его, но напрасно, оправит чёрное платье, скользнёт руками в черных перчатках по волне черных волос, выйдет на улицы, включит везде остатки электрического освещения, которые вечер, слуга двух господ, всегда вяловатый и сероватый, забыл, не успел, поленился включить.

Пока его господа день и ночь ещё не успели скользнуть в спальню, то есть пока ещё что-то видно, извлечём из карманов рогатку и камушек, вложим камушек в старую кожу, натянем эластик, и отпустим. Иначе, выстрелим наугад. Перед началом прицельных обстрелов я любил пострелять наугад, потому что мне требовалось время, небольшое какое-то время, чтобы силой воображения обратить непримечательные камушки в разноцветные светящиеся пули, которые будут не просто лететь, а будут трассировать между пальцами и заранее намеченным объектом.

2

Вдоволь настрелявшись наугад, обратим внимание на ветер, на солёный сырой ветер. Он дует почти всегда, и его всегда называют Норд-Остом. Всё моё детство и всё моё отрочество были продуты этим Норд-Остом.

Ветер будет навстречу камушкам, притормаживая их лёт, и они будут падать ближе, чем дальше. Но мы не должны на ветер сердиться. Он дует на бухту и долину миллионы лет без перерыва, поэтому с ним выгоднее смириться, чем на него негодовать. Напротив, будем ему благодарны за то, что пока мы знакомимся с Городом, ветер будет не ураганным, не ледяным, не скулящим и воющим, не с пылью и мусором, а с весной, он будет таким, каким мы хотим.

Но многие в Городе не понимали, что на ветер злиться нелепо. Они не пытались с ветром ужиться, они сваливали на него, называя его проклятый ветер, все свои личные неудачи, неудачи Города и страны. Это имя проклятый ветер слышалось так часто и повсеместно, что если б не грамотные метеорологи, все бы забыли давно и начисто настоящее имя Норд-Ост.

Стреляя в Норд-Ост, хорошо обсудить, откуда он, собственно берётся, почему и зачем он всё время дует, почему всё дует примерно оттуда же, с северо-западной стороны горделиво-бескрайнего отечества, и почему всё туда же дует, в юго-восточную границу, в начале которой лежала Турция.

Детям навязывали представление, будто Норд-Ост – гигантский старик, который жил сразу за хребтом. Старик чаще всего спал, обвевая Город ровным дыханием. Иногда, проснувшись в дурном настроении, старик поднимал над хребтом голову, ронял на склон лохматую бороду и, раздувая громадные щёки, дул на Цемесскую бухту и Город с разнообразными последствиями. Например, то валил с ног пешеходов, то выбрасывал танкер на мель, то бесстыдно вздувал платья, то, завывая и скуля, мешал Городу спать.

Наиболее точное объяснение происхождения Норд-Оста я услышал при следующих обстоятельствах. Мы с мамой возвращались из Ленинграда. Сосед по плацкарту, офицер, поболтал с мамой о том, о сём, узнал, что она проживает в Городе, сказал, что и он там проживает. Обсудили, конечно, и Норд-Ост.

«Хотите узнать военную тайну?» – подмигнул офицер маме.

«Хочу, если вас за разглашение не засудит военный трибунал», – засмеялась мама и кокетливо оправилась.

«Будем надеяться, не засудит», – подмигнул офицер и стал рассказывать.

«Представьте себе, стоит танк на пирсе, вчера только выгрузили с парохода, передислокация, строго засекречено, подготовка к решающему удару с неожиданной стороны, противник и ухом не ведёт, и вдруг обрушивается Норд-Ост. Лупил по бухте, что тот боксёр! Врежет, – тяжёлые танки трепещут, как деревянные сортиры, повизгивают гусеницами, как поросята. Ещё врежет, танки висают на самом краешке пирса. Ещё удар, танки, кроша бетон, валятся в бушующие волны. Вода, как понимаете, разверзается, водоворот, всплеск, будто бомба. Зрелище, отмечу, ещё то!»

«Вы подумайте!» – вскрикнула мама, что было её театральной манерой. Мама любила людям льстить, но офицер, не знавший этого, принял её вскрик за чистую монету.

«А знаете ль вы, – спросил он так громко, что тут же отвлёк от карт и дремоты ещё некоторых пассажиров. Они скособочились, с разных сторон стали вслушиваться и наблюдать. – А знаете ль вы, отчего, собственно, происходят эти самые Норд-Осты?»

Мама в ответ намолочила чушь про Арктику, высокое и низкое давление, брожение чего-то в атмосфере, в результате призналась, что не знает. У меня на этот счёт была своя теория,

но я постеснялся её изложить. Соседи решили не бахвалиться, или, что хуже, не позориться, и вообще в сторонке уютнее, всё отмечаешь, и без нервов.

«Представьте себе, что это хребет, – офицер выстроил стаканы из-под чая, которым мы только что побаловались, взглянул на меня и подмигнул: – Мы все понимаем, что речь идёт не о спине, а о горах».

Он снял с себя галстук, положил его на столик и, сгибая его так и сяк, выложил вдоль хребта бухту. Мама критически оценила, кое-где выправила линии.

«Не городите чепухи! – как бы в шутку вспылел офицер и снова выложил галстук по-своему. – Вам, гражданским лицам, лучше бы не спорить. Я по долгу службы неоднократно облетал долину и бухту на вертолёте, видел всё, так сказать, птичьим глазом, и утверждаю, что бухта похожа на бутылку из-под шампанского».

«Впрочем, – он мне подмигнул, – очертания наших берегов это государственная тайна. Не разболтайте своим девушкам».

«Да ну вас! – сказала мама, краснея. – О каких вы девушках говорите. Нет у него никаких девушек. Рано ему думать о девушках».

Девушек, в самом деле, не было, в этом мама не ошибалась. А думать... – знала бы она, как рано я начал думать о девочках, знала бы мама, что если я думал, я только о девочках и думал.

«С вертолёта, – рассказывал офицер, – видно, как Цемесская долина переливает речку в бухту, бухта похожа на бутылку, у которой частично отбито горлышко, из этого горлышка в Чёрное море выливается мутно-зелёная жидкость».

Офицер глядел маме точно в глаза, вышибая искру взаимопонимания.

«Замечаю в ваших синих глазах лёгкий протест против мутно-зелёного. Качество вашего загара, даже не подпорченное отлучкой в хмурые погоды Ленинграда, наводит на мысль, что вы многократно нежили ваше прекрасное тело в непосредственной близости от моря, и кому, как не вам прекрасно известно, что море бывало красным, оранжевым, жёлтым, зелёным, голубым, синим, фиолетовым, а также использовало следующие сочетания»...

Заскучав, я залез на полку, тут же задумался о девушках, но скоро вернулся к офицеру, свесил голову и наблюдал, как тот иллюстрирует слова сильными мохнатыми руками.

«Представьте, вот здесь похолодание. Холод всегда к земле льнёт, – ладонь офицера на столе ползла к стаканам, игравшим хребет, а рука мамы была за хребтом, сразу за бухтой, где центр Города, – по-пластунски расползается по сторонам, натывается на хребет, холодный воздух вот здесь накапливается, растёт в толщину, верней, в высоту, пока не дорастает до хребта. А что за хребтом? Долина с бухтой. Тёплая, так сказать, долина. Что возникает? Перепад! Холод перекачивается через хребет и обрушивается в долину»...

Рука офицера, холодный воздух, накопившийся за хребтом, упала на тёплую мамину руку, так сказать, в тёплую долину.

Я кашлянул. Руки разлетелись. Мама покраснела, стала прибираться. Я забрался на верхнюю полку и искромсал перочинным ножом низ полки для чемоданов. Пусть все проклятые офицеры сводят Норд-Ост к совокуплению, я знаю лучше, что есть Норд-Ост. Хребет – это моя голова, а долина – моя душа. Как только жизнь меня оскорбляет, хребет начинает обрастать серой клочковатой бородой. Так начинается Норд-Ост. Так начинается моя ярость. Обстреливая Город из рогатки со всеми вытекающими последствиями, я не был жестоким, я был яростным. Я обязан был быть яростным, чтобы своей внутренней яростью противодействовать ярости мира. Цитирую лучшее, что нашёл я в нашей центральной библиотеке:

«Огромное, яркое солнце, как быстро ты
Убило бы меня,
Если бы во мне самом не всходило

Такое же солнце».

3

Нашу прицельную стрельбу можно начать с чего угодно. Но без системы можно запутаться, можно важную цель пропустить, либо в то же самое место можно выстрелить несколько раз. Вот идея: можно стрелять точно по ходу стрелки часов. Осталось решить, что будет первым, куда мы отправим наш первый камушек, куда мы отправимся вместе с камушком, вскочив на него, как барон Мюнхгаузен когда-то вскакивал на ядро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.